

ЗАМЕТКИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Р. Я.

Фрагменты старых черновиков, нечто вроде записной книжки, где собраны разрозненные замечания по поводу связи экономики и политики. Никакой системы, или общей линии — просто мысли, пришедшие в разное время и по разным поводам.

* * *

Экономика представляется обывателю чем-то очень сложным и ответственным, и буржуазная пропаганда всячески подчеркивает ее недоступность простолюдину, требуя, чтобы этим занимались «профессионалы». Напротив, марксизм пытался, по крайней мере, на начальных этапах, сделать экономические знания доступными каждому, вместе с неизбежными политическими выводами. Однако сама возможность усвоения экономической теории широкими массами зависит от уровня развития производительных сил, и является частью этого развития. Поэтому повсеместное преподавание политической экономии в СССР осталось пустой формальностью, и никто, от школьника до академика, не понимал, — и не хотел понимать, — основ экономического материализма.

* * *

Основной ошибкой (или намеренным просчетом?) экономической политики КПСС было преувеличение роли рынка и непоследовательность в проведении принципа плановости.

Производство и потребление — две стороны одного процесса, и экономические «ножницы» между ними недопустимы. Плановость производства должна дополняться нормированием (плановостью) потребления. Система распределения — это тоже своего рода производство, причем занимающее ключевое положение в экономическом движении, и отдать его на откуп рынку — значит сделать товарной экономику в целом. А это несовместимо с коммунизмом.

Разумеется, на первых этапах развития, в переходный период от капитализма к социализму, еще сохраняется противоположность различных классов и общественных слоев, и товарно-денежные отношения приходится привлекать для обслуживания производства. Но они ни в коем случае не должны становиться основным механизмом распределения. Централизованный контроль над нормой потребления призван с самого начала ограничивать стихию товарного обмена.

Когда в конце сороковых годов XX века отменили талоны — это преподносилось как крупное достижение социалистической экономики; на самом же деле, это было отступлением от социализма, началом попятного движения к капитализму. Следовало воспользоваться системой централизованного распределения, сложившейся во время войны, чтобы окончательно устранить товарность производства и сделать экономику последовательно социалистической. Когда в конце 80-х годов была снова введена талонная система, было уже поздно, — хотя и это, наполовину рыночное и непоследовательное решение заметно улучшило жизнь большинства населения. Но, поскольку на уровне макроэкономики рынок продолжал господствовать, возврат к капитализму был неизбежен.

* * *

Мелкоторгашеская сущность крестьянства связана с самим характером сельскохозяйственного производства, его опорой на то, что создается природой, а не человеком и его разумом. Аналогично, добывающие отрасли промышленности могут нести в себе зародыши капитализма. Только индустриализация сельского хозяйства может обеспечить «подтягивание» села до уровня социалистических общественных отношений. Без коренного преобразования психологии села невозможно здоровое развитие экономики по некапиталистическому пути.

В условиях же сохранения товарно-денежных отношений как основного механизма распределения продуктов первой необходимости, и тем более, когда официально поощряются частная инициатива, предприимчивость, индивидуальная торговля, — на этой почве мелкобуржуазная психология давала, и будет давать все более сочные побеги. Тем самым закрывается возможность перестройки социальных и производственных отношений, снятия противоположности города и деревни; отмирание самого различия форм производства в разных отраслях, устранение товарности труда, установление разумного отношения к труду и потреблению — бесконечно замедляется, а то и останавливается вообще.

* * *

Акционирование государственных предприятий — средство ускоренного ограбления масс, создания финансовой олигархии. Пока предприятием монопольно управляет государство, возможности сосредоточения капитала в одних руках так или иначе ограничены — по крайней мере, пока государственный строй не будет изменен. Передача контроля над предприятием частным лицам и кланам неизбежно приводит к вытеснению финансово слабых собственников и подчинению производства интересам крупного капитала. Создавая иллюзию более демократичного управления, акционирование реально уничтожает общественные механизмы контроля как таковые, заменяя их рыночными механизмами, неподвластными общественному влиянию.

* * *

Международные отношения — это конкуренция различных групп капиталистов в мировом масштабе. На стадии империализма экономика (а значит, и политика) становится как минимум двухуровневой: с одной стороны, сохраняются все черты «классического» капитализма в каждой стране, в ее внутренней классовой структуре, — с другой стороны, производственные отношения капитализма «проецируются» на отношения наций, государств. И потому рабочий класс развитых капиталистических держав может выступать одновременно и как пролетариат, то есть противостоящая капиталу революционная сила, — и как один из слоев мировой буржуазии, эксплуатирующий миллионы пролетариев в сотнях стран заодно с теми, кто эксплуатирует его самого. Эта двойственность объективна, она отнюдь не является результатом подкупа верхушки рабочего класса буржуазией; скорее наоборот, подкуп части пролетариата, подчинение его интересам национальной буржуазии, — это субъективное выражение действительно происходящего расслоения пролетариата в мировом масштабе, связанного с соответствующей организацией производственных отношений.

* * *

В пределах одного государства экономические связи гораздо сильнее, чем связи межгосударственные. Дело тут не в какой-то мистической роли государства как творческого начала, а как раз наоборот, в том, что государства возникают как выражение определенных экономических обстоятельств, вырастают на экономическом фундаменте.

* * *

Разделение труда — основа внутренней конфликтности общества. Когда оно становится международным разделением труда, неизбежными становятся конфликты между государствами (и группами государств). Так на уровне мирового хозяйства воспроизводится всеобщее отчуждение, являющееся одной из характерных черт капиталистического общественного устройства.

* * *

Всякая политика (не только экономическая) есть не что иное, как средство воспроизведения тех производственных отношений, на базе которых эта политика проводится. Господствующие классы при этом являются выразителями сложившегося экономического порядка — и политика их есть политика укрепления и расширения данного общественного строя. Если в политике сочетаются весьма разнородные элементы, переплетаются различные тенденции, — это лишь говорит о неоднородности самого общества, и прежде всего — о многоукладности экономики. В рамках политической экономии, любая «классификация» в политико-социальной сфере может строиться лишь на основе выделения соответствующих экономических структур. Это, разумеется, не отменяет сходства различных общественных явлений по каким-либо иным направлениям, вплоть до «чисто формального» сопоставления самых разных обществ по какому-нибудь «культурологическому» признаку. Однако последовательность исследования заключается в соответствии делаемых им выводов его предмету. Нельзя от формы фибулы заключать, скажем, к преобладанию тирании или демократии, — даже если между этими явлениями имеется эмпирически установленная положительная корреляция; следует, скорее, выявить те действительные факторы, которые привели к сочетанию того и другого в развитии общества.

* * *

Новое общество не возникает на пустом месте, не является из ничего. Оно вырастает из старого, зарождается в нем. И чтобы понять, как общество будет развиваться дальше, необходимо найти такие черты современного общества, которые могли бы лечь в основу будущих общественных отношений.

Зрелость капиталистических общественных отношений, устоявшиеся формы буржуазного государства не могут стать предпосылкой новых общественных форм именно потому, что они совершенным образом выражают собой строение капиталистического общества — и в первую очередь разрушаются пролетарской революцией.

* * *

Плановость — это еще не социализм. Так, возможность «государственного капитализма» показывает, что сама по себе плановость не имеет какой-либо «социалистической» окраски. Точно так же и наличие многих мелких производителей не делает их опорой эксплуататорского строя. Существенно здесь то, как отдельные производители объединены в едином хозяйственном организме. Если способ связи — рынок, производство становится товарным, со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до капитализма и империализма. Если же мелкое производство есть лишь один из уровней общественного производства, если оно направлено на удовлетворение некоторой общественной потребности, а не на обмен с целью получения средств к существованию, — это принципиально не капиталистическое, не частное производство, каким бы частичным оно ни было.

Плановость — лишь одна из форм хозяйствования, применимая только в определенных условиях. Развитие экономики, как и любое развитие, приводит к нарастанию внутренних противоречий, к расшатыванию устоявшихся производственных и распределительных

структур. Нарушение планов неизбежно, это экономическая необходимость. Полностью подчиненная плану коммунистическая экономика — это, следовательно, такая же утопия, как и спокойный госкапитализм, по плану обогащающий предпринимателей за счет трудящихся масс.

* * *

Нельзя делать революцию по плану. Столь крупные события в рамки планов не помещаются. С другой стороны, планировать можно лишь то, что уже известно, культурно освоено; в революции же речь идет о формировании качественно новых общественных условий — и никто не в силах предсказать, какие именно формы должны сложиться, и как они отразятся в сознании масс. Все, что есть до революции — общая идея. Реализация ее — дело самой революции.

* * *

Основное в капитализме — товарность производства, рыночное хозяйство. Где есть рынок — там есть и элементы капитализма. Как общественно-экономическая формация, капитализм охватывает все стороны жизни и деятельности людей, включает их в сферу влияния рынка. Разумеется, такая универсальность возможна лишь при достаточном развитии производительных сил.

По отношению к капитализму, все предшествующие ему формации — это его предыстория, путь к «вершине». Для человека, воспитанного на буржуазных идеалах, выше капитализма вообще ничего нет. Чтобы увидеть нечто иное, требуется выйти за рамки буржуазного мировоззрения, отбросить представление о капитализме как высшей точке общественного развития, выделить в цепи событий новую логическую линию, ведущую к другой вершине, — переписать историю.

* * *

От распределения товаров — к распределению продуктов. Коммунизм как более общий, более универсальный строй.

* * *

Крестьянское хозяйство как мелкотоварное производство — основа, на которой вновь и вновь возрождается капитализм. Мелкий товаропроизводитель ожесточенно борется против любых попыток ограничения его собственнических устремлений. При капитализме это выливается в крестьянские бунты и антитрестовское законодательство. Диктатура пролетариата сталкивается в лице мелкого хозяйчика с врагом, опасным уже в силу своей массовости — оказывающей значительное давление на идеологию общества в целом. Однако борьба здесь не между пролетариатом и крестьянством; напротив, в борьбе коммунизма с капитализмом и пролетариат, и крестьянство — это, скорее, одна сторона, пропитанный капитализмом материал, из которого должен сложиться новый человек в новом обществе. Борьба классов, отступая на второй план, выдвигает на первое место внутреннюю борьбу человека с самим собой, сознательное подавление в себе буржуазного мировоззрения и собственнических интересов. Такая внутренняя борьба невозможна без определенных внешних условий, поощряющих коммунистические начала и препятствующих проявлениям капитализма. Эти внешние условия и обеспечиваются диктатурой пролетариата.

* * *

Никакое общество не может быть основано на производственной или социальной анархии.

Объективность материального производства порождает соответствующие общественные формы — и возможна лишь внешняя, кажущаяся стихийность.

* * *

Как ящерица отбрасывает свой хвост ради своего спасения — так и капиталист может поступиться частью прибылей и пойти на явные убытки ради сохранения строя в целом и возможности продолжать наживаться на чужом горбу. При малейшей возможности, все эти уступки, конечно, будут забыты — и буржуа постарается с лихвой возместить свои потери.

Разного рода демпинг — яркий тому пример. Сбивая цены, монополии терпят убытки; но лишь только устранен конкурент — цены взвинчиваются без конца. Пряча под сукно новые технологические разработки, капиталист теряет сверхприбыли — но избегает риска потерять больше на удешевлении товаров, при насыщении рынка. Лучше уничтожить продукт, чем сбывать его по низким ценам. Лучше потерять самому, чем дать приобрести другому.

Развитие производительных сил в капиталистическом обществе покупается ценой их постоянной растраты. И в первую очередь — растраты человеческих сил, человеческих жизней. Рост классового сознания пролетариата, формирование его как класса, заставляет его сопротивляться попыткам выжить за его счет; особенно быстрый рост пролетарского самосознания наблюдается во время кризисов. Пролетариат перестает быть орудием в руках буржуазии — и вырывает у нее политическую власть, устанавливая собственную диктатуру. Дальнейшая судьба этой диктатуры определяется зрелостью общества, наличием сил, способных изменить общественный строй.

* * *

Сущность периода первоначального накопления — производство пролетариата и буржуазии как основных классов капиталистического общества. Точно так же, переходный от капитализма к коммунизму период — это главным образом становление нового человека, представляющего уже не какой-либо класс, а человечество как таковое.

* * *

Вовлечение в некоторую экономическую систему неосновных для нее классов и общественных групп всегда связано с принуждением, будь то экономическое давление или политическое насилие. Когда речь заходит о переходе к бесклассовому обществу, принуждение должно коснуться всех без исключения слоев общества, поскольку они восходят к докоммунистическим, классовым формациям. Обывателю-буржуа это должно казаться ужаснейшим террором, абсолютным тоталитаризмом и т. п. Для нового человека — здесь переход всеобщей необходимости в свою противоположность, в подлинную свободу.

* * *

Государственный капитализм — это способ сохранения капиталистического строя в особых ситуациях, когда неэкономические механизмы поддерживают нерентабельное, хотя и необходимое для рентабельности прочих отраслей производство. Так бывает либо в кризисные периоды, когда неясно, по какому пути пойдет экономика дальше, — либо с новыми, еще не отработанными технологиями, обкатка которых привела бы к большим издержкам и снижению прибылей. Государственный сектор при капитализме — способ частично компенсировать потери предпринимателей за счет общества в целом, за счет распределения расходов на миллионы налогоплательщиков. Как только рентабельность производства повышается — или становится возможной его монополизация с соответствующими каналами получения сверхприбыли, — начинается активный процесс разгосударствления, приватизации.

Капиталистическое государство действует не просто как коллективный капиталист — это лишь внешняя сторона его деятельности. Более существенна другая сторона — регулирование процесса распределения. Такое регулирование представляет собой выход за рамки процесса обмена и, следовательно, товарного производства. Поэтому мелкий буржуа всегда недоволен своим государством, обвиняя его в чрезмерном экономическом вмешательстве и ограничении свободы предпринимательства. Крупные капиталисты, как правило, борются между собой, покупая отдельные звенья государственного аппарата, подчиняя их своим интересам. Здесь проявляется родство государства со всякой монополией, которая точно так же устраняет рыночную стихию, в противоречии с самой сутью капитализма. Это внутреннее противоречие есть выражение внешнего противостояния классов, классового антагонизма. И погибает капитализм не только от нарастания классовой борьбы — но прежде всего в силу внутренней невозможности дальнейшего существования, от внутренней разорванности и потери классового единства в рядах буржуазии.

Поскольку государство предполагает выход за рамки товарного производства, диктатура пролетариата может использовать отдельные государственные формы для перестройки общества на некапиталистический лад. Прежде всего — это государственное регулирование производства и распределения, плановость хозяйства в любой из его сторон. Однако само по себе централизованное управление экономикой ни в коей мере не отвечает сути коммунизма, при котором производство регулируется не планом, а общественной потребностью. Основное направление планирования в переходный период, при диктатуре пролетариата, — расширение экономического самоуправления, свободы выбора при определении направлений деятельности каждого хозяйства, каждого человека. Однако продукт деятельности уже не принадлежит кому-то одному, это общественное достояние. Государство постепенно перерастает во всеобщий механизм распределения, выравнивающий уровень жизни всех общественных слоев.

* * *

Капиталистическая «свобода предпринимательства», свобода выбора себе любого рода деятельности — скрывает в себе минимум два различных типа принуждения. С одной стороны, монополизация средств производства капиталистами заставляет рабочих продавать свою рабочую силу; «свобода» здесь — выбор себе хозяина и конкуренция между рабочими. С другой стороны, сосредоточение средств производства в руках непроизводительного класса заставляет буржуа искать способы «оживления» капитала, вынуждает его покупать рабочую силу — прямо или через цепочку посредников; этот полюс капиталистической «свободы» — экономические метания, погоня за прибылью ради прибыли, конкуренция капиталистов между собой. Ни рабочий, ни капиталист — не могут заниматься чем-либо для себя, раскрыть в полной мере свои способности, следуя своим личным склонностям и интересам; творческий труд при капитализме скорее исключение, пробивающее себе дорогу через серую рутину работы ради заработка. А значит — человек не может почувствовать себя полноценной личностью и вынужден прибегать к разного рода искусственным приемам для поддержания психологического тонуса.

* * *

Нарушение пропорциональности в экономике — нормальное явление, механизм экономического развития. Специфика капитализма в другом: экономические диспропорции приводят к поляризации богатства и нищеты, к росту общественного неравенства и обострению классового антагонизма. Капиталистические производственные отношения таковы, что восстановление экономических пропорций происходит за счет беднейших слоев населения, путем усиленной эксплуатации пролетариата.

* * *

Одним из необходимых моментов процесса воспроизводства является воспроизводство человека, его деятельности. В капиталистической экономике человек — такой же товар, как и все остальное; покупателя-капиталиста при этом интересует не собственно человеческое в человеке, а только его способность к труду, рабочая сила. Соответственно, воспроизводство человека сводится при капитализме к воспроизводству рабочей силы, и ни на что другое у буржуа денег нет. Но приводить в движение мертвый капитал человек может, лишь оставаясь человеком, выходя за рамки пустого существования или животной жизни. Поэтому капиталист вынужден часть прибыли тратить на улучшение быта наемных работников, на их образование и т. д. Разумеется, на эти «непроизводительные» затраты он идет отнюдь не из любви к людям (хотя частенько и прикрывается фразами о милосердии) — просто иначе не сможет устоять капитализм как общественный строй, а значит, и общественное положение предпринимателя-буржуа. Куда большие суммы при этом расходуются на поддержание социального неравенства, на углубление и расширение пропасти между богатыми и бедными, между трудящимися и эксплуататорами.

* * *

Трения между разными формами капитала — норма капиталистической конкуренции; зачастую эти трения приобретают весьма острый характер. Однако основная линия развития капитализма — объединение всех форм капитала в единый конгломерат, внутреннее строение которого отражает строение экономики в целом. Развитый капитализм практически устраняет формальные различия: любой капитал предполагает самые разные способы вложения — единство его обеспечивается полностью в сфере обмена. Тем самым капиталисты все вместе, как класс, эксплуатируют общество в целом, пролетаризируют все его слои.

* * *

Неравномерность — закон развития капитализма. Несмотря на общую тенденцию к объединению, капиталисты всех уровней будут нещадно грызть один другого, стремясь к экономическому превосходству. Капиталист эксплуатирует не только пролетариат — он эксплуатирует также и других капиталистов, если только ему это удастся. Экономическое и общественное неравенство — условие существования любой эксплуататорской формации. В частности, на международном уровне, неизбежно разделение стран на «богатые» и «бедные» — с вечной борьбой между ними и конкуренцией внутри каждого «класса». Чем сильнее капитализм, чем масштабнее его проявления, — тем мощнее классовая борьба. Количество здесь переходит в качество: развитие капитализма губит капитализм. Поэтому империалистическая политика стремится сохранить заповедники докапиталистической отсталости в мире, из интуитивного страха ограничивая собственное движение вперед.

* * *

Нельзя переоценивать паразитарную тенденцию капитализма, связанную с уничтожением производительных сил. Производительные силы при капитализме развиваются, иногда очень быстро. Без такого развития было бы невозможно движение капитализма к своему концу. Капитализму суждено погибнуть не от немоги и бессилия; не в этом состоит загнивание капитализма — а в том, что развитие капитализма обостряет его внутренние противоречия до такого предела, за которым капиталистическое хозяйство просто невозможно.

* * *

Один из первых источников сверхприбыли — эксплуатация колоний. По мере развертывания империализма колониальные отношения уходят в прошлое, все страны становятся формально

независимыми. На первый план выступает тогда экспорт капитала, стремление разместить его там, где норма прибыли выше. Обратная сторона такой «инвестиционной экспансии» — технологическое соревнование, стремление расширить рынки сбыта и сырья за счет внедрения передовых технологий, позволяющих добиваться более высокого качества товаров при максимальной экономии или использовании нетрадиционных материалов. Таким образом, возможно извлечение сверхприбыли даже при внешне эквивалентном обмене. Внутренний рынок отдельных (даже высокоразвитых) стран подчиняется диктату производителя более технологичного товара — а бросовые товары, от которых по дешевке избавляется один капиталист, оказываются выгодным сырьем для другого, который умеет их употребить.

Важно отметить, что сами по себе капиталовложения или научно-технические разработки еще не являются источником сверхприбыли — таковыми они становятся только в определенных политико-экономических условиях, когда движение в сфере обмена ограничено какими-либо формальными, внешними по отношению к экономике установлениями. Иными словами, сверхприбыль — результат разделения труда между отчужденными друг от друга производителями.

* * *

Буржуазия подкупает именно верхушку рабочего класса не потому, что это верхушка; наоборот, квалифицированный рабочий именно потому и стал квалифицированным, что он высокооплачиваем, в него вкладывается капитал (в том числе и в классовом смысле).

* * *

Не догонять других — а идти своим путем. Это главный принцип развития экономики. Всякий, кто хочет лишь «догнать и перегнать», — обречен вечно плестись за кем-нибудь, видеть лишь спину соперника где-то впереди. Всякое соревнование чуждо экономической необходимости, оно только развращает людей, заставляет их тратить силы непроизводительно, насиловать себя и природу, обманываться и лгать.

Следует делать то, что действительно требуется, что необходимо для удовлетворения насущных потребностей — своих, а не чужих. Только тогда деятельность станет всеобщей, приобретет общечеловеческое, объективное значение.

* * *

Усложнение технологий — с упрощением и стандартизацией операций. Чем проще операции, тем легче их комбинировать, создавая новые технологические процессы. Сначала выделяются универсальные движения — и человеческая рука заменяется станком. Потом устанавливаются общие принципы соединения отдельных операций в процессе производства — и возникает технологический поток, предполагающий частично автоматизированные станки. Следующий этап — стандартизация самих потоков, выделение всеобщих компонент инженерного мышления. Поток становится интеллектуальным, самостоятельно настраивающимся на различные условия работы и типы продукта.

Место человека в производстве меняется по мере усложнения технологий. Собственно человеческое — это как раз то, что еще не превратилось в стандарт, что находится вне всякой технологичности — и из чего вырастают качественные изменения способа производства. Как элемент технологического процесса, человек принципиально не отличается от машины — это лишь более сложный регулятор, механизм, управляющий другими механизмами. Капитализм, отказывая наемному работнику в какой бы то ни было человечности, пытается полностью встроить его в производство, подчинить технологической задаче. Возникает наука об организации производства, эргономика; гуманитарное знание теряет свою направленность на человека, становится лишь одним из средств эффективного соединения человека и машины.

Например, психология призвана, с одной стороны, дать набор «технологических характеристик» человека-машины (инженерная психология) — с другой стороны, она должна указать, на какие «кнопки» надо нажимать у человека, чтобы добиться нужной реакции (психотехника). Точно так же, искусство перерастает в дизайн, становится одним из стимулирующих средств. Мышление человека — должно включаться тогда, когда это предписано технологией; всякая «философия» вообще противопоказана. Компетентность определяется примитивным тестированием, вместо ума требуется умение быстро реагировать стандартным образом в стандартных ситуациях. Даже сообразительность и находчивость становятся условными рефлексам лабораторных зверьков.

Каково производство, таково и потребление. Человек и здесь превращается в «потребляющую машину», подчиняется стандартам, встраивается в поток.

* * *

Капиталистическому обществу не нужны люди — ему нужны классы. Соответственно, воспитание и образование человека при капитализме — это подготовка представителей своего класса, и не более того. Одно из проявлений этого — «технологическая безработица», охватывающая самые широкие общественные слои. Когда образование есть лишь средство для получения своего места у кормушки, любые изменения способа производства выбивают почву из-под ног у многих и многих людей, делая их ненужными обществу и самим себе. Буржуазия стремится ограничить доступ к высшему и специальному образованию, включая и здесь обычный для рынка механизм конкуренции. Знания покупаются и продаются, приоритет всегда у того, кто более богат. И точно так же, как любые другие капиталовложения, средства, затраченные на образование, могут не окупиться, если рыночная конъюнктура совершает неожиданный поворот. Для богатых буржуа это не так важно — они потеряли небольшую часть своего богатства, и только. Для тех же, кто собирался зарабатывать своими знаниями и умениями себе на жизнь, изменения технологий становятся личной трагедией.

* * *

В одну и ту же эпоху, различные типы общественного устройства различаются практически во всех отношениях, и прежде всего — в общем характере экономического и социального развития. Капитализм, так или иначе, сдерживает продвижение вперед, уступая объективной необходимости лишь тогда, когда этого просто нельзя избежать, не будучи раздавленным конкурентами в борьбе за рыночное выживание. Социалистическое общество постоянно испытывает нехватку рабочих рук, техники, продуктов промышленности и сельского хозяйства. И дело тут отнюдь не в отсталости социалистической экономики и в каких-то особых «преимуществах» капиталистической системы — хотя перекосы в экономике социализма немало подпортили его историческое реноме. Причина такого внешнего различия в том, что стремление к экономическому и социальному равенству всех членов общества, действительное осуществление его (пусть даже неполное и непоследовательное) — делает явным скрытое под маской рыночного изобилия несоответствие уровня производительных сил наличным потребностям общества в целом и отдельных людей. Кризисы перепроизводства при капитализме говорят отнюдь не о том, что спрос меньше предложения, — напротив, в условиях перепроизводства более всего заметны нищета и обездоленность широчайших масс. Задача капиталистического производства — удовлетворение потребностей буржуазии, лишь небольшой части общества. Потребности эти удовлетворяются в рамках существующего способа производства — однако при этом большинство людей не может себе позволить даже малой части благ, доступных крупному буржуа. Попробуйте разделить эти блага на всех — и их постоянно будет не хватать. Производство, развивающееся в соответствии с потребностями общества в целом, а не какой-либо из его частей, увеличивает объем продукта — и вступает в противоречие с капиталистической системой распределения, не позволяющей трудящимся иметь все, чем пользуется буржуазия. Продукта произведено слишком много — с точки зрения

потребностей капиталиста; на самом же деле произведено его совершенно недостаточно, что и обнаруживает социализм.

«Но, — говорят апологеты капиталистического строя, — никогда невозможно произвести столько, чтобы хватило на всех! Кто-то имеет одно, кто-то другое... В конце концов, почему все должны быть одинаковы, потреблять совершенно одно и то же?»

Да, человек становится личностью, отличаясь от других, между прочим, и характером потребления. Но именно капитализм вынуждает большинство людей быть одинаковыми, навязывая им дешевую массовую продукцию сомнительного качества; неимущий не может выбирать, он полностью подчинен экономической необходимости, маскируемой под «стиль жизни», обязательный для каждого добропорядочного обывателя. Обратная сторона этого насилия над личностью — несвобода самой буржуазии, вынужденной «соответствовать» своему положению; конкуренция властвует не только в сфере производства — но также в потреблении. Производится не то, что нужно обществу, — а то, что принято производить. Производительные силы растрачиваются на поддержание уродливых диспропорций в потреблении — реклама товара поглощает средства, сравнимые с расходами на его производство. Где уж тут произвести достаточно на всех!

Социализм обречен на гибель, если он пытается просто распределить производимый продукт равномерно на всех, повышая массовость производства до такого уровня, когда индивидуальные потребности всех членов общества будут полностью удовлетворены. Общественная потребность в каком-либо продукте не совпадает с простой суммой потребностей индивидуальных; в развивающейся экономике постоянно меняется характер потребления — и не может быть двух тождественных личностей, потребности которых совпадали бы во всем. Только гибкое, универсальное производство может удовлетворять потребность, не делая человека ее рабом, следуя за изменениями потребностей в самом процессе их удовлетворения. Однако самое главное — производство не для прихоти господствующего класса, не для массового «стиля», а ради объективной необходимости развития человека. Нельзя произвести на всех предметов роскоши, вещей для «престижа» — просто по определению. Но разумное удовлетворение человеческих потребностей вполне может сделать жизнь каждого уютной и простой.

* * *

Нельзя произвольно укоротить рабочий день и увеличить зарплату, сделать производство плановым и нормировать потребление. Все это опирается на определенные экономические механизмы — и просто не может работать там, где экономика до нужного уровня не доросла. Попытки «ввести» социализм — обречены в этом случае на путаницу извращений, на перегибы и шатания от одной крайности к другой.

* * *

Переход от капитализма к коммунизму ни в коем случае не есть вопрос новой техники, новых технологий или какой-то особой организации труда. Изменения здесь — в отношении к человеку, в отношениях между людьми, — то есть, по сути, это изменение самого человека. Что же касается техники, то переходный период предполагает сочетание в экономике, по меньшей мере, трех уровней:

1. Старая, отсталая производственная база докапиталистического или раннекапиталистического образца. Такие технологии всегда сохраняются при капитализме, поскольку мелкое фермерское и кустарное производство с одной стороны, и жесткое поточное производство с другой, — необходимы для расширенного капиталистического воспроизводства; это не просто пережиток прошлого, а особый элемент собственно капиталистического хозяйства, одна из его важных составляющих.

2. Высокотехнологичное капиталистическое производство, использующее новейшие достижения науки, широко использующее последние разработки в области организации труда. Именно этот уровень капиталистической экономики создает материальную базу для отмирания капиталистических производственных отношений и позволяет перейти к новым формам хозяйствования.
3. Производство, развивающееся на некапиталистической основе, вырабатывающее собственно социалистические технологии, предполагающие свой, особый продукт — и новую технику. Это уже не просто приспособление того, что досталось в наследство от старого строя, к нуждам социалистического производства — технология с самого начала ориентирована здесь на удовлетворение совсем других потребностей, потребностей другого человека. Такое производство несовместимо с капиталистическими производственными отношениями, оно никак не вписывается в капиталистическую экономику — хотя и вырастает на основе того, что было достигнуто при капитализме. Это означает, в частности, что экономические отношения социалистических и капиталистических стран неизбежно будут весьма ограниченными, поскольку продукт социалистического производства не годится капиталистическому потребителю — и наоборот.

Всякая техника вполне может использоваться в рамках любой экономической формации. При этом, разумеется, использование это несовершенно, частично, не отвечает заложенным в технику возможностям. Высшие уровни экономики могут, конечно, открывать какие-то новые способы употребления старых вещей, значительно расширяя сферу их применения; однако технологические приемы, присущие тому способу производства, который породил эти вещи, неповторимы в условиях совершенно иной культурной среды. Точно так же, приспособление техники к производству более низкого уровня всегда предполагает определенные натяжки и неудобства; как правило, довольно быстро люди выбрасывают «ненужные детали» — и работают уже с другой, более примитивной техникой, соответствующей общему «технологическому фону». Тем самым, использование техники в иной экономической среде делает эту технику другой чисто технологически; изменение окружения всякой вещи изменяет и саму вещь.

* * *

Образование может стать всеобщим, только пройдя стадию массовости. Это значит, прежде всего, что знания становятся доступны не где-то в особых учебных заведениях, не только в единичных архивах или спецбиблиотеках, — а там, где в них есть нужда, в любом месте и в любое время. Человеческое образование — это, прежде всего, самообразование; однако способы получения и форма знания — связаны с уровнем культуры в целом, это часть наличного способа производства.

Другая сторона — неформальность образования. Самообразование должно быть общественно санкционировано, оно вытесняет чисто внешнюю образованность, удостоверенную бумажкой с печатью. Если же производственные отношения таковы, что формальная образованность оказывается важнее подлинной культурности, — знание вырождается в пустую эрудицию, в интеллектуальный фокус, салонный анекдот.

* * *

Планирование должно касаться не только, и даже не столько количественных показателей развития производства; задача плана — указать направления качественного изменения способа производства.

* * *

Объединение людей не по случайным признакам, не по происхождению или классовой

принадлежности, а вокруг общего дела — основа принципиально иной организации общества в целом.

* * *

Необходима децентрализация производства — при сохранении плановости. Людям виднее, на что они способны, какие общественные задачи им сподручнее решать. Только действительная необходимость соединения сил нескольких предприятий в рамках одного проекта — может сделать обоснованным некоторую (временную) централизацию.

Слаборазвитое производство не может позволить себе распыления сил — практически любая задача здесь требует централизованного управления. И когда появляется возможность решать многое на местах — управленческая машина становится помехой дальнейшему движению. Неразумное сохранение устаревшей надстройки, старых способов управления производством, приводит к экономическому кризису, способному разрушить наличный общественный строй.

* * *

Развитие производительных сил при переходе от капитализма к обществу нового типа — несовместимо с отсталостью производства в сельском хозяйстве, постоянно возрождающей капитализм. Сельское хозяйство должно удовлетворять требования новой экономики, что невозможно без коренного преобразования методов хозяйствования, без внедрения индустриальных технологий.

* * *

Товарно-денежные (рыночные) отношения призваны опосредовать капиталистическую систему производства и потребления. Это единственное, что они могут. В переходный период от капитализма к новому строю товарно-денежные механизмы работают лишь поскольку в экономике сохраняются элементы капитализма. Для окончательной победы нового надо искать иные формы производства, распределения, обмена, потребления — более прямые, гибкие и вместе с тем подчиненные общей задаче — плану. Деньги — препятствие на пути развития производительных сил и воспитания сознательного отношения к труду.

* * *

Когда социализм в СССР был уже основательно подточен изнутри и снаружи, было такое поветрие: дать право руководителям предприятий формировать штат при сохранении фонда заработной платы. Будучи карикатурой капиталистического менеджмента, ни к чему хорошему это привести не могло. Умеренность никогда не принадлежала к числу достоинств рядового администратора. В результате — произвол администрации, бюрократическая диктатура. Рабочего покупают — и он перестает быть человеком. Гораздо раньше такое случилось со студентами и аспирантами, где система нормирования фондов существовала испокон веков.

Чтобы преодолеть капитализм, необходимость каждого в производственном процессе должна определяться не абстрактными нормативами, а самой производственной задачей. Люди сами решают, кто за что отвечает. Но для этого они должны быть свободны, и их труд не должен быть всего лишь работой, источником средств к существованию.

* * *

В буржуазной науке признают Маркса выдающимся экономистом, внесшим значительный вклад в открытие основных законов развития капиталистической экономики. Однако при этом полностью отбрасываются сделанные им социально-политические выводы. Это все равно, что признать закон всемирного тяготения — и продолжать рассчитывать движение планет по

эпициклом.

* * *

Постсоветское развитие России уверенно движется к феодализму. Это совершенно естественно для страны, которая вошла в социалистическую революцию полуфеодальной, в которой капитализм еще не получил достаточно прочной социально-экономической базы. Многие начинания социалистических властей продолжали нести на себе клеймо феодально-общинного мышления, и с разрушением социализма именно оно становится определяющим в экономической и социальной политике.

Например, жилищное законодательство Российской Федерации есть нормативное закрепление феодальной общины. Предполагается, что домами управляет общее собрание собственников жилья, причем его решения обязательны для всех, включая не участвовавших в собрании или голосовавших против. Это означает, что в доме всем распоряжается кучка деляг, которой ничего не стоит срежиссировать собрание по любому поводу (или подготовить липовые протоколы), а рядовой собственник реально ничем не владеет. Любая бредовая идея реализуется за счет тех, для кого она неприемлема. Управленческая клика имеет возможность грабить население на подчиненной территории, собирать любые подати. И все это будет законно. Разумеется, каждый может обратиться в суд — но толку-то что? Суд, как обычно, поддержит сильного против слабых, богатого против бедных. Закрепленное в том же кодексе право на выбор места проживания — голая декларация, пустой звук для тех, у кого нет денег на новую квартиру; да и что толку менять жилье, если на новом месте действуют те же варварские законы? А значит, человек фактически прикреплен к своему дому в качестве раба общины; он полностью бесправен, и жаловаться некому.

Это именно феодализм. Капиталистический способ производства соотносит каждого индивида с обществом в целом, а не какой-то его частью, и человек в результате связан с другими людьми исключительно правовым образом, через систему индивидуальных договоров. В этом смысле капитализм гораздо разумнее феодализма, поскольку каждый хотя бы формально сам принимает на себя обязательства, пусть даже становясь впоследствии их жертвой; в феодальном же обществе все решает сословие, клан, цех, община...

Учитывая бешеный рост цен и снижение реальных доходов населения, легко понять, что подобное законодательство неизбежно приведет к разорению единичных собственников жилья и захвату их собственности крупными домовладельцами или преступными группировками. Людей будут выкидывать на улицу, и закон не даст им ни малейшей защиты. Феодальная община порождает капитализм в его диких, первобытных формах, таков объективный закон. Через сотню лет, возможно, Россия вернется к капитализму — но это не воскресит убитых. Их костями будет вымощена дорога к новому обществу, окончательно уничтожающему эксплуатацию человека человеком в любых формах, устраняющему само понятие собственности.

* * *

Как всякое внутреннее противоречие развивается во внешнее противопоставление разных сторон, ранее совмещавшихся в едином целом, так и внутреннее антагонистическое противоречие между пролетариатом и буржуазией во времена СССР в основном превратилось во внешнее противоречие, борьбу двух государственно представленных социальных систем. В таких условиях уже недостаточно говорить о классовых отношениях внутри нации и государства — речь идет об отношениях наций и государств, которые *в целом* представляют тот или иной класс. Так, СССР был представителем (хотя и не единственным) рабочего класса на международной арене — тогда как США представляли капитализм во всемирном масштабе.

При этом разные страны давали представление о разных оттенках социализма и капитализма,

точно так же, как в рамках одной страны рабочий класс, отнюдь не являющийся однородным, представлен многими партиями, каждая из которых опирается на свой слой внутри одного класса. То же относится и к буржуазии, поскольку она охватывает большое количество весьма различных социальных слоев.

Разумеется, речь идет о развитых в промышленном отношении странах. Там, где экономика еще слишком бедна, чтобы страна могла играть сколько-нибудь самостоятельную и значительную роль на международной арене, — и внутри страны классовые отношения будут неустойчиво разнообразны. Там еще нет фактического подчинения всей экономики и всей политики интересам одного слоя, одного класса. Заметим, что внешние противоречия «грубее» внутренних: даже если страна представляет класс в целом, внутри нее отношения между отдельными политическими органами отражают детали дифференциации общественных сил.

* * *

Нельзя считать, что одна общественно-экономическая формация просто сменяется другой — между ними всегда есть опосредование, переходный период. Это банальность для перехода от капитализма к социализму. Однако и для перехода от феодализма к капитализму необходима была определенная подготовительная работа. В течение некоторого времени капитализм должен был расти на фоне феодального уклада — и так оно и было, начиная с Возрождения, Реформации, которые называют «ранней буржуазной революцией». Точно так же «азиатский способ производства» вполне правильно расценивался Марксом как переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу.

Но ведь *каждая* ОЭФ представляет собой переход, промежуточную стадию между какими-то уровнями развития производительных сил общества и его производственных, равно как и надстроечных отношений. Различны лишь уровни рассмотрения, степени детализаций, развернутость описания исторической эпохи. Поэтому в каждый момент надо отчетливо понимать переходный характер наличествующих формаций — и значит, видеть цель движения, его ближайший пункт назначения.

На *любом* уровне смена одной формации другой носит все черты революции — ибо это качественный скачок. Однако *политический* переворот — отнюдь не обязательное сопровождение революционного процесса, он необходим в одних случаях и не нужен в других. Изменения политической структуры либо предшествуют становлению нового строя, либо становятся вместе с ним. В социалистической революции времен раннего империализма необходимо было в корне менять государственную машину. А «перерастание» абсолютизма в конституционную монархию в нынешних условиях может быть безболезненным.

Разумеется, для постепенного преобразования органов и организации управления в ходе революции необходимы особые социальные условия. Но можно утверждать, что собственно *политика* есть атрибут именно капитализма. В докапиталистический период политика не является еще настолько влиятельной силой, чтобы ставить рогатки на пути развития общественных отношений — так что эпоха *политических* революций начинается со становлением абсолютизма в Европе, т. е., по сути, с началом перехода к капитализму.

Переходы между общественными формациями бесконечно разнообразны — и для характеристики соответствующей революции нужно четкое осознание уровня рассмотрения. В субъективном плане, важно понять, что нужно делать данному конкретному человеку в данную конкретную эпоху, чтобы это соответствовало велению времени.

* * *

Экономика СССР развивалась совершенно извращенным образом: мы все время исправляли свои ошибки — и делали при этом гораздо больше новых. Вместо того, чтобы просто видеть звезду и рубить просеку на нее. Как следствие — такие же перекосы в общественных

отношениях, в культурных процессах, в быту. Выработалась особая бесшабашная психология: не важно, что и как делать, — все равно потом переделывать. Нет привычки строить капитально, на века.

* * *

Узкое понимание демократического централизма как способа построения какой-то одной иерархической структуры. Но почему, собственно, мы должны считать руководящие органы руководящими *во всех отношениях*? Почему не отдать им лишь то, для чего они были созданы, — организационные функции — и не подчинить их в других отношениях другим органам? Каждая сторона общественной жизни требует своего центра и, соответственно, своей структуры соподчинения. В этом плане взаимоотношения партийного и государственного аппарата в СССР вполне могли бы предполагать обоюдный контроль — и нельзя было бы говорить, что один орган выше другого всегда и во всем. Такое развитие намечалось в первые послереволюционные годы. Если не получилось — значит, не доросли.

* * *

Выборность не решает проблемы управления производством. Обаятельный, но некомпетентный руководитель так же опасен, как и специалист-бюрократ. Разумеется, по мере отмирания государства и всякого внешнего регулирования человеческих отношений, руководство людьми также исчезнет, растворится в производственных процессах как таковых. Однако путь к этому лежит через сознательное преобразование самой идеи руководства — через преодоление как администрирования, так и анархии.

* * *

Один из уроков развала СССР — необходимость капитализации сельского хозяйства, развитости капитализма и в городе, и на селе. Пока сельское хозяйство не изжило примитивность докапиталистических хозяйственных форм, оно будет, с одной стороны, противостоять капитализму — однако, с другой стороны, еще сильнее будет сопротивляться оно любым коммунистическим начинаниям. Поскольку же внешне примитивные формы сельскохозяйственного производства отрицают капитализм, они легко встраиваются в организм социалистического хозяйства — и дают начало «раковой опухоли», внутреннему перерождению.

* * *

Отсутствие четких идей о механизмах распределения общественного богатства связано со спонтанным появлением в СССР теневых механизмов распределения чисто буржуазного толка. С одной стороны, реклама слухов и домыслов. С другой — страх возможных последствий всякого протеста. Пресмыкающиеся.

* * *

Решение жилищной проблемы предполагает, прежде всего, экономическую независимость людей друг от друга. Сейчас квартиросъемщик фактически имеет возможность «эксплуатировать» всех остальных жильцов — ибо они не имеют *своего* жилья. Характер отношения квартиросъемщика к квартире аналогичен отношениям собственности на землю: аренда или бессрочное владение. По сути дела, жилье — это одно из условий производства; и потому полноценное развитие социализма невозможно без обобществления (в широком смысле) жилищного фонда. Возможно, однако, что решение жилищного вопроса потребует уничтожения самого отношения собственности.

Потребуется также решение огромного количества сопутствующих проблем, которые могли бы и считаться самостоятельными, но которые все же подчинены жилищной проблеме. Это, во-первых, организация производства с максимально возможным рассредоточением (за счет автоматизации индустриальных конгломератов). Как следствие, необходим эффективный транспорт — не важно, промышленный, общественный или индивидуальный, — противоречие должно быть снято. Транспорт должен быть экологически чистым, скоростным, компактным и не требующим индивидуального обслуживания. Еще один аспект того же самого — неограниченная возможность перемены места жительства. Соответственно, перепланировка жилых массивов с учетом подвижности населения; особая организация бытового обслуживания и поставок, утилизации отходов. Здоровый образ жизни требует совмещения зон отдыха с жилыми массивами. Итог — изменение жилищных отношений, динамизация их, совершенно другое отношение людей к жилью.

По-видимому, современная экономика до решения подобных задач пока не доросла, и дело вряд ли сдвинется с мертвой точки, даже если на это все военные расходы. Здесь нужна другая производственная база, иной способ производства.

* * *

Если раньше продукт производился для удовлетворения *индивидуальной* потребности — либо непосредственно, либо опосредованно через обмен, — то при социализме продукт производится для удовлетворения общественной потребности. Здесь полярные направления мысли: индивидуализм и коллективизм, направленность на себя или на других.

Но каждый акт производства должен удовлетворять не только общественную, но и личную потребность, как более низкий, более непосредственный, внутренний уровень. Что это за потребность? Уже не в продукте — он производится для других. Видимо, сам труд теперь становится потребностью — труд, направленный на благо общества, признанный им. Это аналог известного психологического процесса, сдвига мотива на цель, — то, что раньше служило лишь средством в рамках определенной деятельности (с ее ведущим мотивом), теперь стало самостоятельной деятельностью, так что цель действия превратилась в мотив. Поэтому коммунистический труд есть труд творческий — ибо деятельность и творчество неразделимы, это две стороны процесса расширенного воспроизводства субъекта.

Становление коммунистического труда предполагает утверждение принципиально нового типа обмена: не между отдельными индивидами (на одном уровне), а между индивидом и обществом (два уровня субъекта). И потребление становится опять непосредственным — только уже из «второй» природы. Собственность исчезает как таковая, и снимается противоречие современного труда, когда индивидуальный производитель не видит, кому предназначен его продукт. Оказывается, что каждый трудится для себя — но не как оторванного от других и противопоставленного другим индивида, а как полноправного члена субъекта более высокого уровня, общества в целом.

* * *

В первобытном обществе производство в основном обслуживало насущные потребности людей (точнее, первобытного сообщества — племени, рода, семьи). Иногда эти потребности были иллюзорными — и здесь истоки духовного производства. Однако в любом случае исходным пунктом было потребление, именно оно направляло и ограничивало деятельность.

С развитием рынка произошла подмена ориентиров, продукт превращаются в товар и производятся не потому, что это кому-либо нужно, а затем, чтобы его продать, безотносительно к действительной ценности продукта, его полезности. Рынки завалены бестолковым хламом, и главное умение торговца — впарить что угодно кому угодно, сбыть с рук. Рынок стремится навязать покупателю потребности, он активно формирует их, почти не прислушиваясь к голосу

потребителя. Лишь в конечном итоге, через бесконечность напрасных страданий и потерь, пробивает себе дорогу историческая неизбежность, и производство все-таки развивается, несмотря на рыночные препоны.

В будущем (если кто-то до него доживет) человечество должно в каком-то смысле вернуться назад и восстановить действительные потребности людей в качестве единственного законодателя производства, подчинить деятельность объективной необходимости субъектного развития. Однако это уже будет не вынужденный прагматизм первобытной экономики, а сознательный выбор, — и речь идет не о том, чтобы как-то свести концы с концами, а о том, чтобы удовлетворять человеческие потребности универсальным образом, гибко перестраивать производство под новые задачи, не только в интересах сообщества — а в интересах каждого его члена.

* * *

Человек далеко не сразу становится разумно действующим субъектом. Поначалу каждый принадлежит какой-то общественной группе — именно она является субъектом деятельности, а не индивид сам по себе. В первобытном обществе — это род и племя. Потом возникает рабовладельческая семья — по сути дела, племя в миниатюре. Феодализм привязывает человека к сословию, а внутри сословия к определенному клану или к общине. Только при капитализме начинается освобождение индивида, выделение его в самостоятельную производственную единицу. В капиталистическом обществе человек формально свободен — он может продавать свою рабочую силу кому угодно, — или покупать рабочую силу, когда есть на что. Однако эта формальная свобода на деле закрепляет классовое расслоение общества, и класс рабочих противостоит классу капиталистов внешним образом, подобно средневековым сословиям, кланам, кастам. Классовое сознание ничем не лучше сословного. Лишь в эпоху развитого капитализма (империализма) это противостояние может быть перенесено в межнациональную сферу, а в богатых капиталистических странах каждый член общества может реально владеть частью совокупного капитала, то есть стать капиталистом, независимо от происхождения и рода занятий. Но это не устранение капитализма, не замена его каким-то другим общественным строем — по-прежнему капитал служит орудием эксплуатации и средством наживы. Просто внешнее противостояние капиталиста и рабочего как представителей классов теперь становится внутренним противоречием каждого индивида, и классовая борьба, помимо внешних форм, становится также и внутренней борьбой каждого с эксплуататором и рабом в самом себе. Только снимая это внутреннее противоречие человек будущего, бесклассового общества сможет стать в полной мере разумным существом.

* * *

Любимое развлечение буржуазных мечтателей — вообразить себе мир, в котором работают роботы, а люди — живут в свое удовольствие. Оставляя пока в стороне вопрос о разнообразии человеческих удовольствий, подумаем хотя бы о том, что не могут роботы работать сами по себе, безотносительно к потребностям людей. Иначе зачем такая работа? Следовательно, кто-то все-таки должен роботов направлять, подсказывать им, за что браться в первую очередь, что постепенно доводить до ума, и как все это организовать, чтобы никому никакого вреда. То есть, производством надо управлять. Кто будет этим заниматься? Если люди — это уже работа, и программа блаженных лоботрясов горит на корню. Если сами роботы — то зачем им люди? Они, скорее, будут работать в собственных интересах, а людей содержать исключительно по традиции, в качестве экспоната природной кунсткамеры.

При капитализме всякий труд превращается в работу — а всякий трудящийся автоматически становится рабочей силой, товаром. Отделить вещь от ее рыночной судьбы обыватель (включая самых высоколобых) уже не в состоянии, для него это одно и то же. Так человеческое стремление сбросить ярмо капиталистической эксплуатации перерождается в ненависть ко

всякому вообще труду, а вместо здоровой взаимопомощи свободных тружеников — мечтается о другом: пробиться наверх, оказаться среди нахлебников и паразитов, стать эксплуататором — и кого-нибудь бессовестно эксплуатировать, превращая их в роботов.

Можно простить несчастному его невежество — в одурманенном буржуазной пропагандой сознании трудно приживаются зернышки разума. Но тем больше претензий к экономической системе, в которой хитрые подлецы делают бизнес на умственной неповоротливости оболваненных масс.

* * *

При капитализме делом считают лишь делание денег; удовлетворение насущных потребностей человека здесь становится чем-то необязательным, побочным эффектом. Тем самым из всех потребностей признают лишь одну: стяжательство. Это системообразующий признак капиталистической экономики: подведение всего на свете под абстрактное количество. Деньги нужны ради денег.

В частности, запугивание населения внешней угрозой и гонка вооружений, помимо собственно экономической составляющей (дележка денег), имеет и общесистемный аспект: народ надо держать в ежовых рукавицах, не допускать чрезмерной удовлетворенности. Нужно всячески культивировать классовое неравенство, а богатство буржуа — что морковка под носом: тянись изо всех сил — все равно не ухватишь... Разбазаривание ресурсов — сохранение нищеты (в том числе духовной); без этого не получится натравливать одних на других.

* * *

Буржуазные экономисты не заинтересованы в том, чтобы искать истину. Им важно запутать дело. И произвести впечатление на обывателя. Отсюда нагромождения формул и громкие названия для самоочевидного. Точно так же, системы экономического учета изобретали отнюдь не для процветания нации; их назначение — обеспечить господствующему классу свободу маневра, простор для хищничества. При точном учете всех возможностей, действий и интересов не скрыть правду от народных масс — которые в такой бухгалтерии тоже придется принимать в расчет... А бухгалтер должен уметь считать правильно: то есть, так, чтобы в итоге получалось именно то, что начальству по душе... Всегда можно состряпать показатель, по которому мы в выигрыше — и потому можем с чистой совестью грабить дальше.

В части запутывания дел — первое подспорье математика (которая, собственно, и родилась из примитивной бухгалтерии. Когда есть много чисел — возникает искушение считать именно их источником истины, а вовсе не чей-то производительный труд... Якобы, достаточно все правильно разложить по полочкам — и все станет происходить само собой. Опять же, чем сложнее теория, тем легче запугать простых людей, унижить их, указать им подобающее место. Вот и громоздят одну формальную модель поверх другой, делают глубокомысленные выводы и выдают их за непреложный закон.

Но если в основе полная чушь — сколь угодно великая математика не спасет. Даже если, по случайному стечению обстоятельств, из ложных посылок воспоследует нечто правильное, это никак не оправдывает теоретических глупостей и классового раболепия. Разумное содержание буржуазных экономических теорий не выводится из них, а вводится в них извне, под давлением фактов реального развития общества. Подогнать же формулы под что угодно — дело нехитрое.

* * *

Во второй половине XX века (во многом под воздействием модных на тот момент идейных течений) широко обсуждались вопросы научной организации труда. Как обычно, господа-ученые воображают себе абстрактный мир, где все правильно, логично, раз и навсегда

предопределено. Остается открыть (народу глаза на) правящие (чьими руками?) в этом мире законы — и можно почивать на нобелевских лаврах, благосклонно взирая свысока на ровное движение истории осчастливленного таким образом человечества...

Маленькое замечание в скобках: любые калькуляции, разговоры об оптимальности, всякое рационализаторство — это от нищеты, от вынужденного приспособления к миру, где чего-то все время не хватает, а вертеться-таки надо, сводить концы с концами. Как правило, дело тут не в неумении работать — а в том, что работать по-человечески народу не дают.

Но это особая тема. А пока есть мысль: организовать производственный процесс так, чтобы получить максимум продукта при минимуме затрат. Радикально повысить производительность труда.

Сразу встает вопрос: а для чего? Эффективность ради эффективности — это маразм. Нельзя все разнообразие культуры сводить к одной (хотя бы и очень полезной) абстракции. Жизнь не только труд, а труд не только ради того, чтобы выдать норму — и спихнуть с себя. Попросту говоря: повышать производительность труда имеет смысл только под конкретную задачу, неизбежно ограниченную какими-то историческими рамками и наличными обстоятельствами. Стоит выйти за эти объективно-культурные границы — и пользы уже нет, и даже вредно.

Цивилизация — полуживотное состояние человечества, и здесь цель одна: набить карман; обратная сторона того же: сесть кому-то на шею, кого-то победить. Соответственно, труд будут организовывать так, чтобы чьи-то доходы росли, и чьи-то возможности этому сопротивляться убывали. Речь не только о расстановке классов внутри страны, или даже о конкуренции в глобальном масштабе; парадоксальным образом, когда классики «научного социализма» говорят о необходимости добиваться экономического превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической, они молча подразумевают сохранение капитализма во веки веков и неизбежное вырождение «коммунистических» начинаний в банальную драчку за деньги. Подлинно коммунистические преобразования в экономике потребовали бы устранения самой идеи эффективности и производительности, выдвигая на первый план историческую необходимость и общественную полезность. То есть, мы работаем не ради того, чтобы «догнать и перегнать», — и не ради того, чтобы всем набить брюхо здесь и сейчас, — нет, речь о том, чтобы понемногу строить новый мировой порядок, в котором всякое хорошее дело приветствуется, и всестороннее развитие общества обусловлено разумным отношением к производству и потреблению: мы не потребляем больше необходимого, не стремимся урвать сверх общественно возможного, — и не производим больше, чем необходимо для решения текущих задач (включая такие, для решения которых нужны годы и столетия). С развитием культуры меняется иерархия целей — и перестраивается система потребления. Всякое изменение организации труда мотивировано именно этим объективным процессом и требует перестройки всей системы общественных отношений (не только трудовых).

Конечно, чтобы работать, надо кое-то уметь. И поучиться у тех, кто уже умеет, всегда полезно. Иногда важно присмотреться к форме как таковой, поискать неожиданных приемов и осознать внутреннюю ограниченность. Воспроизводство труда — тоже труд. Однако это не имеет ничего общего с изобретением абстрактных норм и навязыванием их обществу в качестве последней истины. Кто как умеет — так и работает. Здесь нет «лучше» или «хуже» — здесь важно, в какой мере (включая и количественную, и качественную стороны!) в индивидуальном (групповом, отраслевом или общенародном) труде представлены объективные тенденции развития природы и общества.

Буржуазная политическая экономия конца XX века — плод разочарования. Надежды на науку больше нет, никакие «рационализации» не спасают капитализм от кризисов... Даже с учетом загнивания социализма и побед контрреволюции. В итоге — отказ от любых идеалов, сведение экономической деятельности к чистой психологии. Рыночная конкуренция представляется борьбой индивидуальных предпринимателей, а организация производства — выражением предпринимательского произвола. Как обычно, трудящихся в расчет не берут.

Но объективно-идеалистическая струя не исчезла насовсем. Ладно, мы не можем устроить по науке процесс труда, — но давайте воспитаем идеального предпринимателя! Вместо научной организации труда — новое модное словечко: бизнес-коучинг. Армия инструкторов по НОТ быстренько переквалифицируется в «тренеров»; вместо изучения производства — психология и психотерапия. Хороший буржуй сделает себе хорошо — и остальным тогда есть шанс поклевать крошки с барского стола.

Как и раньше, наука открывает немало интересных закономерностей и дает множество полезных рекомендаций. Если начальство соизволит им следовать — это полезно, это прогресс. Опять же, начальству легче: есть возможность управляться с рабами меньшим напрягом, сбросить с себя груз забот и радостно прожигать награбленное. Но зачем? Основное свойство буржуйской психологии — безответственность. Чего ради мы будем себя организовывать, если всегда есть возможность нанять специалиста-управленца и спихнуть на него все хлопоты, себе оставив лишь хорошо подстриженные купоны? Бизнес-тренер хорошо знает правила игры, коммерческие условия; прекрасно, пусть он всем этим и занимается, и не пудрит мозги существам высшего порядка. Собственно, профессиональный коучинг — тоже спихивание с себя ответственности: бывшие управленцы поучают других управленцев, а сами ни за что не отвечают... Если пациент умер — виноват не врач: все дело в недостаточном желании выздороветь. А заведомо безнадежных (читай: безденежных) можно вообще не лечить.

* * *

Капитал не вещь, это общественное отношение. Но при определенных условиях общественные отношения могут складываться в устойчивые системы и начинают вести себя подобно вещам. Это ничего не меняет по сути: виртуальные вещи невозможны без вещей настоящих, и только на их фоне могут проявить себя как устойчивые способы движения. Поскольку вещи вовлечены в этот круговорот, они взаимодействуют с другими вещами особым образом — и кажется, что движение способно воспроизводить само себя, управлять вещами, заставлять части вести себя так, как нужно для целого.

Не столь важно, чем именно представлен капитал. Суть в замещении культурной функции каких-то вещей обслуживанием того, что само по себе как вещь не существует. Филателисты, нумизматы, ценители искусства — все они заняты преобразованием предметов потребления в «ценности», символы принадлежности к определенному сообществу. Точно так же, печатание денег — лишь предпосылка их превращения в ценность, в условиях сформировавшегося рынка. Золото, разумеется, для чего-то полезно и само по себе; но для рынка оно прежде всего представитель стоимости, символ труда, затраченного на изготовление других полезных вещей. Подписи на чеках и суммы на счетах — чистая условность; они вообще не имеют действительной ценности. И однако людей убеждают, что это важно, и что иначе быть не может — и не должно. Кто в здравом уме поверит, что закорючка на клочке бумаге стоит, например, сотни тонн хорошей еды? Когда фанат какой-нибудь знаменитости млеет от автографа — или просто взгляда, — у него явно не все в порядке с головой. Капитализм культивирует психические расстройства, без них он не мог бы существовать.

Рынок возникает как вынужденная мера, способ хоть как-то справиться с производственными задачами в условиях неразвитого производства. По мере взросления общества рыночные механизмы (как и другие виртуальные ценности) превращаются в обузу, их обслуживание оттягивает на себя массу ресурсов. Со временем такие паразитные образования начинают преобладать над реальным производством; они стоят на пути экономического развития — и объективно должны быть устранены. Однако разрушение стереотипов деятельности — дело непростое: нельзя ограничиться мелкими улучшениями — система вернет все в прежнее состояние. Поиск нового равновесия требует болезненной неопределенности, уничтожения экономической основы бытия обширных общественных слоев. Это общественная катастрофа, революция. И мы пока не знаем, куда она в конечном итоге должна нас привести.

* * *

Рынок всегда начинается с насилия. Это не полюбовное соглашение, не общественный договор. Одни навязывают свою волю другим. Кто может заставить — тот и богат (хотя обывателю кажется, что наоборот). Разумеется, никто не может править миром в одиночку; насилие превращается в систему господства кланов и классов. Государство — один из инструментов насилия; за овладение этим инструментом сражаются разные компании грабителей. Борьба партий — бандитские разборки. Но кто бы не побеждал — результат один: эксплуатация большинства меньшинством, общественное неравенство. И разные роли в условиях рынка: овцы и стригали.

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>